

Рассказы

Дмитрий Пузанов

«ИЗ ВСЕХ МОРЕЙ...»

Дмитрий Пиганов
«Из всех морей...» (сборник)

Издательство «Союз писателей»

2014

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Пиганов Д.

«Из всех морей...» (сборник) / Д. Пиганов — Издательство «Союз писателей», 2014

ISBN 978-5-457-92764-3

Книгу «Из всех морей...» можно назвать лирической прозой. Рассказы пропитаны грустью, воспоминаниями, легкой иронией. Как часто вы говорите себе, что жизнь не удалась? Сколько раз вы винили в своих ошибках других людей? И наверняка была масса ситуаций, вспоминая которые, вы грустно вздыхаете: «А поступи я иначе – и все было бы хорошо!» Эту книгу стоит читать даже затем, чтобы остановиться сейчас, переосмыслить свои поступки и, возможно, пойти в другом направлении. Будущее нужно менять в настоящем! А может быть, вы поймете, что вы абсолютно счастливый человек и жаловаться на жизнь совсем не стоит. А еще – что нужно жить по-своему, а не так, как диктуют друзья и родные! Да, да! Прочитав эту книгу, можно сделать очень много важных выводов, которые для кого-то очевидны, а для кого-то станут открытием. Так много выпускается толстых книг по психологии, написанных сложными терминами. Но можно посвятить пару вечеров прочтению книги Дмитрия Пиганова, ощутить вкус простого русского языка и получить ответы на свои вопросы и, конечно же, наслаждение.

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-457-92764-3

© Пиганов Д., 2014
© Издательство «Союз писателей», 2014

Содержание

Странные люди	5
Шорох и Треф	5
Еще о Шорохе	9
Чайники	12
«Польское радио пшерон...»	14
Издержки профессии	15
Забор времен социализма	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Пиганов

«Из всех морей...» (сборник)

Странные люди

Шорох и Треф

Треф был весел и талантлив. Над своей кроватью в общежитии он повесил выкройку из журнала «Работница», и подписал: «План взятия Парижа».

Помните, были такие выкройки: миллионы пунктирных линий, перепутанных. Журнал потому и назывался «Работница», что был набит этими адскими схемами, которые ни один нормальный человек понять не может, если он не домохозяйка, одаренная чутунным терпением и съевшая тысячу собак на шитье и вязании.

«План взятия Парижа» олицетворял фиаско для любого, кто пожелал бы этот план осуществить. Треф был полон таких планов. Однажды он приехал в Москву продавать янтарь.

Дело было в начале девяностых, когда «стихийные силы рынка», вдруг пробудившись, сводили с ума почти всех без исключения граждан бывшей империи, особенно из числа преподавателей средней школы и мэнээсов, не ведавших счастья в новых условиях.

Треф окончил физмат, и хотя в системе образования ни дня не работал, в благое устройство общества верил окончательно, как и сотни гуманитариев, бросивших свои общеобразовательные места в поисках ходового турецкого ширпотреба оптом. Он явился под своды ГУМа прямо с берегов Балтики, нагруженный как Джеймс Кук, янтарными бусами, брошками и прочей бижутерией кустарного производства. Почему именно ГУМ был выбран для первой встречи с новым экономическим укладом, он впоследствии объяснил просто: «раз там торгуют, то я и решил...».

Милиция в ту пору еще служила обществу даже в подземных переходах, чтобы они использовались гражданами исключительно для передвижения, тем более это касалось популярных общественных мест. Из арки ГУМа Трефа, как только он разложил свой товар, немедленно доставили в отделение, где конечно, облегчили максимально, оставив только на метро.

В отличие от капитана Кука, Треф остался жив, и весело рассказывал о своих приключениях, сидя за бутылкой на кухне в квартире моего отца, московского композитора, потому что ему больше не к кому было обратиться за помощью в огромном городе.

Тут такая история.

Несколько лет назад Треф предложил отцу сочинить балет, либретто для которого сам придумал в порядке экспромта. Его вдохновило помойное ведро.

Специальных пакетов для мусора промышленность в те годы не выпускала, на каждой кухне стояло ведро с постеленной на дно газетой, чтобы не прилипали картофельные очистки и яичная скорлупа. Газеты были партийной или ведомственной принадлежности, то есть с портретами вождей на первой полосе и изображениями орденов рядом с названием. У «Правды» было три ордена, у «Комсомольской правды» пять, и так далее. Даже у «Учительской газеты» был орден Ленина! Получалось двусмысленно и даже оскорбительно для власти, но, кто виноват?

Искусство театра тоже переживало сложные времена.

Современные пьесы, конечно, ставились, но опера или балет в силу специфики царили там еще, из прошлого столетия. Театры давали «Щелкунчик», «Лебединое озеро», лишь ино-

гда мелькал на афишах гусарский кивер на синем фоне и надпись: «Декабристы» композитора Шапорина. Или «Сотворение мира» Андрея Петрова.

Но это были крупные, столичные театры. В провинции звучал «Евгений Онегин», которого было не сложно возить на гастроли из-за простоты постановки и скромности реквизита.

Таким образом, композитор, затеявший написать оперу или балет, должен был не только учитывать исполнительские традиции, но и минимизировать сценографические изыски.

Либретто, которое сочинил Треф, соответствовало и тому и другому условию.

Начиналось все, как и положено, маленькой увертюрой. Далее следовали характерные танцы: марш кочерыжек, танец феи «Столичная», трепак огуречных огрызков. Затем чай (китайский танец), кофе (арабский танец), танец яичных скорлупок, вальс картофельных очистков и так далее, до самого дна. Завершалось действие Большим вальсом, в процессе которого глас правящей парии, донная газета «Правда» загоняла персонажей обратно в ведро.

Мотивы поведения персонажей могли меняться в зависимости от текущего политического момента. К тому же, при необходимости балет легко трансформировался в простую сюиту.

Это было весело, мы хохотали как сумасшедшие, к тому же Треф изобразил несколько па, которые тут же, на ходу изобрел.

Всем было ясно, что кончит он плохо, поэтому, когда из Белоруссии, тогда еще не отделившейся, пришло известие, что Треф женился, напряглись все, кто хоть немного знал его лично.

Мне о женитьбе Трефа сообщил вахтенный начальник, штурман дальнего плавания Николай Андреевич Возницын по кличке «Шорох».

О нем стоит сказать несколько слов.

Профессия не наложила на Николая Андреевича романтического отпечатка, он был невысокого роста, с рыжей бородкой и к тому же лысоват, как вождь мирового пролетариата В. И. Ленин. Сходство было столь очевидное, что, казалось, и кличка должна была бы соответствовать, но он был «Шорох», и вот почему.

Николай Андреевич обожал джаз. Нет, не так, как это было принято в эпоху «железного занавеса», штурман «Трансморфлота» Возницын регулярно бывал за границей, так что запретным плодом тут и не пахло. Музыканты городских ресторанов эту его слабость знали наизусть, потому что никто не платил им больше Возницына и притом не за заезженные хиты Юрия Антонова или из «зарубежной эстрады», а за искусство играть bossa nova.

Королем bossa nova в ту пору слыл Антонио Карлос Жобим, пластинку которого Возницын однажды приобрел в Голландии, отдав за нее чуть ли не половину всех своих «суточных».

В ту пору моряки провозили товары зарубежного производства в местах, не доступных острому таможенному взору. Эротические журналы прятали под палубным оборудованием, например под бухтой каната, весом в полтонны. Знакомый электрик рассказывал, что прятал дамские туфли в масляном танке. Словом, всяк хитрил, как умел, и всегда на грани риска, разумеется.

Возницын ввез экзотический диск в Советский Союз совершенно открыто, обозначив его в таможенной декларации невинной записью: «виниловая пластинка «мелодии друзей».

Если бы это пришло в голову таможенному начальству, оно непременно ввело бы в перечень запрещенных товаров категорию «мелодии врагов», но такой категории в реестре не было, и Антонио Карлос Жобим благополучно въехал в СССР в каюте третьего помощника капитана советского теплохода.

Неприятности начались позже. Кто-то рассказал о странной покупке дамам из отдела кадров. Над штурманом начали смеяться. И, кажется, даже тихо его ненавидеть начали. Между прочим, кадровые дамы ведали визированием плавсостава, что для моряка загранплавания значило даже больше, чем симпатии законной супруги, такие это были тоталитарные времена. Железный занавес!

Когда я поинтересовался, сколько же этот винил стоил, Николай Андреевич посмотрел за горизонт и ответил, что на эти деньги он мог бы купить три отреза гипюра.

Дамская ненависть обрела мотив. Отрез гипюра в СССР ценился на уровне черной икры или бытовой техники типа «Хитачи».

К счастью, Возницын был холост.

Так вот.

Ресторанные лабухи ценили клиента Возницына за то, что он ценил умение барабанщика шуршать по хай-хету щеточками, как это делает исполнитель в ансамбле Жобима. За шуршание Возницын готов был платить шикарные чаевые. Отсюда и произошла его кличка – «Шорох».

В ресторане произошло и роковое для Трефа знакомство.

Опытный холостяк Возницын клеил дам в «Атлантике», ресторане, где еще живы были традиции времен китобойной флотилии. Тогда мореманы подруливали к подъезду целыми кортежами из таксомоторов, в сопровождении изысканных путан, слетевшихся со всего Советского Союза. Отягощенные сумасшедшими деньгами китобой требовали качества во всем, «Атлантика» была шикарна, и охотниц за гипюром здесь водилось предостаточно, и притом самого высокого полета.

Неприкаянный Треф квартировал тогда у Шороха и как раз был полон очередных планов. На этот раз он мечтал поселиться где-нибудь в деревне и разводить чеснок в промышленных масштабах. Плантаторские планы предполагали женитьбу на сельской красавице. В «Атлантике» Треф ее и нашел, из Белоруссии, согласную на интим с сухопутным кавалером в обмен на возможное замужество.

На ходовом мостике пожарного катера, где я трудился рулевым, вахтенный начальник Возницын показал мне фотографию, на которой Треф запечатлен со своей невестой среди гостей. Правая рука невесты заключена в гипс, голова Трефа повязана праздничной белизны бинтом. Оба глаза жениха были сурово подбиты.

Как пояснил Шорох, Трефа воспитали братья суженой – за то, что накануне свадьбы он подрался с невестой и пытался сбежать.

Взятия Парижа снова не случилось.

Вернувшись холостым и без передних зубов, Треф устроился на работу в вокально-инструментальный ансамбль городского парка культуры и отдыха, брэнчал на гитаре и банджо и пел на английском, которым вполне сносно владел. Впрочем, его оттуда скоро попросили из-за беззубого рта, на который слушателям было неприятно смотреть, так что они даже писали жалобы в администрацию парка.

Последний раз я видел Трефа несколько лет назад поющим под гитару, на тротуаре у входа в супермаркет. Потом он куда-то исчез, и больше о нем никто ничего не слышал.

Узнать что-либо у общих знакомых было трудно, никто не помнил, как его по – настоящему звали, помнили только фамилию – Трефилов. На память о нем у меня осталась самодельная открытка, нарисованная тушью на кусочке желтого картона. Треф изобразил себя в образе уличного музыканта, а внизу сделал надпись:

«Стою один, в желудке сухо
Вчера мне CLAPTON стукнул в ухо
Я вам скажу, мои друзья:

Нет жизни в Штатах, ни!»

Еще о Шорохе

Матрос Рассол носил звание ветерана рыбной промышленности, поэтому никогда не заступал на третью вахту. Третий вахтенный должен уметь готовить. На списанном танкере, выполняющем функции паровой станции, на полные сутки остаются штурман, механик и толпа матросов, могучих и злых, всегда с похмелья. Кулинарные навыки третьего вахтенного, таким образом, решают, будет ли вечер приятным, или превратится в шумную разборку.

Понятно, третью вахту никто терпеть не мог, и старпом так составлял расписание, чтобы под удар попадали те, кто моложе. Обычное дело, дискриминация. Нынче подобные явления уже не встречаются, потому что все приносят дозу с собой и к концу дня так набираются, что и без ужина горят и даже, бывает, тонут прямо возле причала. Но это сейчас, а тогда был Советский Союз и пить на работе никакой возможности у плавсостава не было. Наоборот, нужно было не только регулярно сдавать экзамены на классность, но и уметь готовить еду из полуфабрикатов, которые повариха оставляла в бельевом бачке на камбузе.

Я экзамен не сдал дважды.

Первый раз потому, что не смог принять сообщение, переданное морзянкой. Ключом я работал со скоростью чтения, а вот прием не давался, в мигании контрольной лампочки я не узнал даже слова из трех букв, которым старый капитан из дипломного отдела мне семафорил, от души стараясь помочь, потому что им нужны были матросы первого класса, для отчетности.

Энергичные выражения капитана загадочными вспышками повисли в электромагнитном поле Земли, я вернулся на пароход без справки о зачете, и старпом мстительно записал меня на третью вахту, навечно.

Если за морзянку я отвечал перед собственным самолюбием и начальством, то за сварганенную на электроплите бурду могли и побить. Дополнительно огорчал матрос Рассол, который экзамен на подтверждение классности сдал.

Рассол, который не мог без ошибки написать собственную фамилию на доске вахтенного у трапа, который спрашивал, правда ли, что Ленин и Гитлер учились в одном классе, и ничего не знал о том, что Земля вращается вокруг Солнца. Рассол, который ничего в жизни не видел кроме тройного одеколona внутрь и трала, набитого селедкой, этот Рассол оказался способен расшифровать сигналы Морзе, хотя наверняка даже не догадывался о существовании электромагнитного поля!

Чтобы как-то скрасить несчастье, я взял с собой на камбуз транзисторный приемник, сдвоенный с магнитофоном, килограммовое изделие, под названием «комбайн», очень популярное в те годы. Среди алюминиевой утвари и нечистого кафеля, звуки bossa nova в исполнении Жобима и Грина должны были напоминать мне, что жизнь продолжается, несмотря на кулинарный финал.

Музыку я записывал на пленку прямо из эфира. Эфир шипел помехами, к которым, наверное, добавились нецензурные выражения капитана из дипломного отдела, пытавшегося указать мне путь к спасению, увы, безуспешно. Очевидно, мне предстояла переквалификация в чистильщики.

Бригада чистильщиков квартировала у нас на судне, здесь же хранился их инвентарь: противогазы, респираторы и стальные скребки, которыми очищают стены топливных танков от ядовитых отложений, предварительно размягчив их паром из нашего котельного трубопровода.

Поговаривали, что больше года здесь никто не выдерживал, но утешала мысль о баснословной зарплате, которую платили за адский труд. К тому же здесь не нужно было сдавать зачеты и терпеть прочие унижения и глупости, всегда сопутствующие карьерному росту.

Я уже представлял себя богатым парнем, и даже за рулем собственного автомобиля, когда в открытую дверь камбуза заглянул вахтенный помощник капитана.

«Not comme il faut!» – сказал помощник зачем-то по-французски, и осмотрел меня с ног до головы, а заодно и весь периметр камбуза.

Не знаю, что он там увидел. Говорят, у штурманов особенное зрение, они видят даже то, что скрыто за горизонтом, например, грядущую бурю. Наверное, помощник капитана пришел на запах беды, и теперь искал визуальное подтверждение своим подозрениям.

Ясное дело, я бы тоже его искал! Снедь из бельевого бачка уже нагрелась на плите и распространила жуткий чад, перебивший даже запах мазута, исходивший от портянок и резиновых боевок чистильщиков, обильно развешанных в коридоре.

Помощника звали Николай Андреевич Возницын, так мы познакомились.

Штурман Возницын не мог понять, что я, выпускник консерватории, делаю на спсанным танкере. Сам он мечтал об аккордеоне, но голодные послевоенные годы привели в казарму мореходного училища, где был гарантированный паек и дисциплина, способная даже уличного хулигана превратить в квалифицированного покорителя морей.

Музыка осталась для Возницына неизведанной стихией, неприступной, как для меня море.

Музыкант, мечтающий о море, и штурман дальнего плавания, влюбленный в аккордеон и bossa nova, мы прямо на камбузе договорились обо всех на свете ценностях, и вахтенный помощник капитана лично приготовил экипажу отбивные, названные им «вечный кайф», по рецепту, который я не стану раскрывать здесь. Женатому читателю это не интересно, а холостяки сами знают, что и как им приготовить на ужин.

С тех пор на вахту я всегда приходил с магнитофоном. Таскать его было тяжело, зато экипаж сутки забивал козла в домино, потому что вахтенный помощник капитана, закрывшись в каюте, слушал джаз вместо того чтобы, как положено, тренировать нас, поднимая по тревогам: общесудовой, водяной и пожарной.

И с третьей вахтой все уладилось. Может быть, это Возницын ходатайствовал перед старпомом, а может быть, тот сам решил заменить меня матросом первого класса. Это было правильное решение, потому что нельзя доверять камбуз тому, кто даже не умеет читать сигналы морзянки. Так что вахта, в конце концов, досталась Рассолу, ветерану рыбной промышленности и большому специалисту по всем вопросам морского быта, включая морзянку на прием.

* * *

Однажды, октябрьским днем, когда остывший воздух кажется стеклянным и под ногами ржавеет опавшая листва, я случайно встретил Николая Андреевича, он бурно жестикулировал в компании двух незнакомых мне субъектов. Над головой орали чайки, принесенные с побережья ветром, накануне «Яндекс» обещал шторм, было ясно, что светопреставление, обычное в эту пору для приморского города, вот-вот начнется.

Штурман был одет не по сезону: тот же, что и в пору нашего знакомства темно – синий пиджак, берет а-ля коммандос, который он носил в бытность помощником капитана пожарного катера, та же борода клинышком, галстук крупным узлом.

Прежней осталась и командирская выправка – два алкаша, сопровождавшие штурмана покорно вертели головами по направлению движения его руки, властно указывающей то в

одну, то в другую сторону. Короткими галсами, покачиваясь, как по бурному морю, отряд направлялся, вероятно, в ближайший пивной ларек.

Я не окликнул Возницына, нам нечего было сказать друг другу, прошло слишком много лет.

Уже давно я оглядываю себя в зеркале с неудовольствием. Мешает толстый живот и отсутствие целого ряда зубов, потерянных на промысле в верхних широтах, где несколько лет работал на поломанном морозильном траулере, доканывая биографию, приближая заведомо неудачный финал. Забыты танкер-паровик, пожарный катер и наши разговоры про джаз и мое стремление уйти в плавание – все уместилось в одну-единственную цифру: тридцать.

Тридцать лет назад все это было. Грустно, граждане.

Чайники

Моему дяде, Якову Пиганову, посвящаю.

Жора Кашин рисовал чайники. Сначала за рисунок ему платили триста долларов. Потом цена выросла, и жена вынуждена была уйти с работы, следить, чтобы Жора не пил, а только рисовал чайники.

Жора не был алкоголиком в традиционном, химическом смысле, его зависимость была психологическая. Так сказал доктор, к которому Жора обратился после неудачного визита представителей ганноверского музея.

Немцам нужны были Жорины работы для выставки «Экспрессионизм в современном российском изобразительном искусстве», или что-то в этом роде, с последующим занесением в каталог. Предполагались крупные закупки и, возможно, кардинальное решение материального вопроса, но Жора проспал свой шанс по неизвестному жене адресу, и немцы уехали ни с чем.

Кроме немцев были еще заказы от международных издательств. Жорины чайники тиражировались от США до Австралии, но географические широты его не интересовали. Жора исследовал собственный крохотный мир, здесь он был первооткрывателем, царем и дилемургом, а амбициями и международными сношениями ведала супруга.

Измайловский вернисаж тоже кормил неплохо. Там, среди акварелистов, живописцев и графиков у Жоры была своя ниша. Приезжали братки, покупали чего-нибудь на стену в офис. Заказывали в размер, чтобы в багажник автомобильный влезало. Платили хорошо, настолько, что все это благополучие однажды просто обязано было закончиться. Супруга прилагала усилия, но Жора все равно оказался в наркологическом диспансере, причем добровольно.

Виноват в этом был Артем Алексеевич, бывший капитан речного буксира, на борту которого Жора периодически обнаруживал себя по утрам. Именно Алексеич заразил Жору сомнительной идеей о том, что «все должно быть закольцовано».

Когда-то капитан был судим и оправдан. Матрос проверял длину буксирного троса, не изучив как следует «Рекомендации по управлению судами при буксировке». Алексеич резко переложил руль, трос натянулся и перешиб матросу ногу.

Если бы матрос, вместо того, чтобы в свободное от буксировки время пить водку, внимательно прочитал «Рекомендации», то знал бы, что «полную длину буксирной линии устанавливают при выходе на достаточную глубину». Но он поторопился, не дождался глубины.

В свою очередь, Алексеич, вместо того чтобы избегать резких поворотов, производить их «плавно, при небольших углах перекладки руля», как об этом гласят «Рекомендации», так резво крутанул штурвал, что вот – искалечил человека. В одну секунду!

Жору в этой истории увлекла гаша, то есть петля, которой оканчивается буксировочный трос.

Гаши эти Алексеич мастерски плел, сидя на скамеечке между стаканом и бухтой грязных веревок, из которых прямо на глазах, словно сам собой возникал удушающий образ.

Кроме удушающего образа, Жоре нравились рассуждения бывшего капитана о том, как справедливо все закончилось. То есть оба они, Алексеич и матрос сами виноваты. Они совершили ужасную ошибку, пренебрегли инструкцией, в результате чего один остался без ноги, а другой без диплома и должности.

Сюжет о воздаянии настолько понравился Жоре своей завершенностью и абсолютной округлостью, что он немедленно облек его в художественную форму. Чайники были забыты, наступил период петель и канатов, заплетенных в узлы.

Когда очередной герр Циммек сообщил, что документы на вывоз уникальных Жориных работ готовы, и он едет из Гамбурга забрать обещанную партию, супруга забеспокоилась. Партия до сих пор не была нарисована. К тому же Жора обратился за помощью в наркологическую клинику, со всеми вытекающими оттуда юридическими последствиями и строгой изоляцией. Поступить иначе он не мог, потому что «все должно быть закольцовано», таковы теперь были его убеждения.

Начиналась неизвестность. Узлы и канаты спросом не пользовались, покупатель требовал чайники. Через решетку на окне второго этажа наркологии Жора объяснял супруге, как эти самые чайники нарисовать. Это совсем не сложно, если накладывать окружности на ось координат в нужном порядке. А чистые планшеты он заранее фирменно подпишет по дороге на ужин, в тамбуре на первом этаже, куда есть доступ с улицы. Нужно только заплатить дежурной сестре.

С тех пор Жорина супруга рисовала чайники сама. У нее это получалось не хуже, и Жора ставил свою подпись под рисунком с чистой совестью. Он был демиургом, осваивающим новые пространства и неизведанные еще миры, а международными сношениями, торговлей и амбициями успешно ведала жена.

«Польское радио пшерон...»

Джеймс Баранов, мой армейский товарищ, умудрился бы соорудить похабный текст даже на мотив бетховенской «Оды к радости». Вышло бы нечто вперемешку из русских матерных слов и бессмыслицы на немецком. Немецкая речь с русским матом как-то особенно ладит, так мне кажется.

Джеймс был мастер на такие дела. Иногда он употреблял польский. Когда очередная девушка ему отказывала, он спрашивал, понизив голос до чарующего (ему казалось) баритона: «Пан не каже, яка година?» И сам себе отвечал: «Година шуста, пани бл...на!». При этом он гэкал на хохляцкий манер.

Девушка уходила в сторону моря, унося прочь пленительные ягодицы с налипшими поверх загара песчинками, и полчаса самоволки, потраченные напрасно.

Ладно! – говорил тогда Джеймс. Як пани каже. Запрошае паньство мордой об стол!

Никакого польского языка Джеймс, разумеется, не знал. Он его слышал. Его абсолютный музыкальный слух чутко улавливал тончайшие нюансы волны, на которой «польское радио из Варшавы» по ночам вещало джаз. В перерывах диктор молотил слова, которым мы внимали уже потому, что они были иностранные и запрещенные. Бессмысленные фразы типа «польское радио пшерон» застревают в памяти и принимались к употреблению по принципу «как слышим, так и пишем». В обиходе Джеймс довел это дело до автоматизма.

Но однажды он докладывал адмиралу. Так получилось. Это был всеми забытый экипаж под Клайпедой. И вдруг приехала эта инспекция. Адмирал захотел лично увидеть быт. Старший по команде спал в баталерке, спрятанный под шинелями. Когда дневальный крикнул: «Экипаж, смирно, дежурный на выход!» – выяснилось, что выходить некому. Адмирал рванул дверь в кубрик, и увидел Джеймса. Джеймс реагировал правильно, крикнул: «Смирно!». Адмирал скомандовал «вольно», Джеймс ответил: «Добже, пан!». И выполнил команду «Кругом!».

Наверное, это был самый крутой поворот на всем военно-морском флоте за текущие оперативные сутки. Мы должны были бороздить воды Балтики неделю, не больше. Несколько раз исполнить Гимн Советского Союза. Возложить венок на место гибели подлодки. Потом планировалось посещение польского порта Гдыня с дружеским визитом. Словом, короткая командировка. Но Джеймс остался служить на «Комсомольце Балтики» до весны. Музыкант был им нужен как корове седло, но адмирал приказал «убрать раздолбая».

В польском порту Гдыня Джеймс уныло разглядывал толпу на причале. Это была дружественная толпа. Нам бросали значки с надписью «Солидарность!», и помощник командира корабля по политчасти носком туфли спихивал их за борт. Помощника звали Исмаил Каримович. С высоты борта сторожевого корабля он взирал на территорию польского порта, как коршун взирает на равнину, и видит ее всю, до последнего суслика. Его раскосое самурайское лицо, от века покрытое стойким степным загаром, обещало окружающему миру, что пощады не будет никому, нигде и никогда. Он был родом из другой цивилизации, ее язык невозможно было подделать или выучить на слух.

Под командованием Исмаила Каримовича Джеймсу предстояло покорять Средиземку. Тогда все было очень строго, цивилизации еще не сдвинулись с обжитых мест. Еще существовал Варшавский блок, и военная доктрина предполагала вполне конкретные точки для наведения ракет всех радиусов действия. Страна крепила оборону. Обороне служило все, даже таланты, мирные, как абсолютный музыкальный слух.

Издержки профессии

Забор времен социализма

Интеллектуальным трудом нынче не заработаешь, не те времена. К тому же все обязательные вехи биографии типа учился – женился, я уже отметил, любопытство всех на свете статистиков удовлетворил, настало время найти занятие по душе и поближе к хорошей зарплате.

Скорее даже ближе к душе, чем к зарплате, так уж я устроен.

Нынче придурков уже не сыщешь, но я-то родился когда? В год восшествия на престол Леонида Ильича Брежнева, вот когда я родился! То были прежние времена, о пользе Отечеству тогда говорили вслух, считалось, что ее нужно приносить. Это сейчас кругом граффити, а раньше на всех заборах писали про славу человеческому труду. Слово «гегемон» обозначало приличного человека, с доходом. Я к этому привык, и искал нечто, что можно было бы с гордостью носить, как раньше носили рабочее звание.

Тут и подвернулся буксирный катер «Шторм», плавающая крепость образца 1953 года, с корпусом, усиленным танковой броней в районе форштевня. Свидетель великих свершений минувшей эпохи. Бронтозавр, способный колоть лед, и даже бетон, в чем я скоро убедился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.